

Вера Чиркова

ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. БОННА
ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. МАГИНЯ

ЗАЛОЖНИЦА. СДЕЛКА
ЗАЛОЖНИЦА. ИСПЫТАНИЕ
ЗАЛОЖНИЦА. ЗАПАДНЯ

СТАРЫЙ ЗАМОК. БЕГЛЯНКА
СТАРЫЙ ЗАМОК. ПРИМАНКА

РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. БЕСПРИДАННИЦЫ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. КАДЕТКИ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. СОРАТНИЦЫ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

СПАСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ. СБЕЖАВШАЯ НЕВЕСТА
СПАСТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВИТЬ. ХРАНИТЕЛЬНИЦА

ЗВАНИЕ БАБА-ЯГА. ПОТОМСТВЕННАЯ ВЕДЬМА

Цикл «Сerpантин»

ВИРАЖИ ЧУЖОГО МИРА
БЕГУЩИЕ ПО МИРАМ
ИНТРИГИ ТЕМНОГО МИРА
ТАЙНЫ ЗАКРЫТОГО МИРА

Цикл «Маглор»

МАГ ДЛЯ БАСТАРДА
ВОЖАК ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ
ПОДРУГА ДЛЯ МАГА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вера Чиркова

Звание Баба-яга.
Потомственная ведьма

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2018
САРМАТА
&
«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 371

Художник
С. Бабкина

Чиркова В. А.

Ч-64 Звание Баба-яга. Потомственная ведьма: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 283 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2711-6

Даже самая мудрая и опытная колдунья, называющая себя по новой моде экстрасенсом, абсолютно не защищена от злых шуток судьбы.

Хронические неудачи в любви, внезапные перемещения в параллельный мир, трансформации в метаморфа и многое другое может свалиться ей на голову внезапно, как лавина или цунами. Но только истинной, потомственной русской Бабе-яге под силу выйти из всех этих испытаний живой и невредимой и найти дорогу домой. А иногда и еще что-нибудь вдобавок.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2711-6

ПРОЛОГ

— Прекрасно выглядишь. Прошу!

Высокий и импозантный мужчина элегантно подставил мне локоть. Я секунду помялась, незаметно вздохнула и положила вялую ладошку на сгиб белоснежного рукава.

Ради справедливости отметив, что он и сам просто потрясающе смотрится в черных облегающих джинсах, черной же шелковой рубашке и белом пиджаке «от кутюр».

Его волнистые черные волосы, забранные в хвост, прекрасно дополняли так лелеемый некоторыми девушками облик крутого мачо, от которого у меня почему-то сводит оскоминой скулы.

— Взгляни, — подвел меня хозяин дома к огромному зеркалу, отражающему нас в полный рост. — Не правда ли, прекрасная пара?

— Шутишь! — легкомысленно фыркнула я, а в сердце больно заныла незажившая рана.

Совсем другого мужчину я мечтала бы увидеть вместо него рядом с собой...

А вот этого сейчас не нужно. Заметив, как разгорается в глубине зрачков холодное зеленое пламя, спешно беру под контроль издерганные нервы.

— Нет, — твердо и надменно ответил он. — И у тебя будет время в этом убедиться.

— Надеюсь, — буркнула я и тихо вздохнула — вот чего мне действительно не хватало в последние дни, так это именно времени.

Хотя сначала казалось, что вот как раз его у меня в избытке. А ведь начиналось все так просто, так незамысловато! Собралась я немного развеяться, отдохнуть от трудов несправедных...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*День первый, очень безалаберный,
принесший мне только неприятности*

Домофон заголосил спозаранку.

— Пожалуйста, прошу... заклинаю, не откажите... мне очень нужна помощь! Я хорошо заплачу! — Упитанный, сидящий и лысеющий мужчина смотрел с экрана так умоляюще, что я сдалась.

— Проходите. — Вот что делает с нами, женщинами, проклятая жалость, ведь времени-то у меня в обрез.

Я потому и встала так рано, чтобы все успеть. И ничьи визиты мне сегодня даром не нужны. Будь ты хоть самый выгодный клиент. Да хоть олигарх.

Но...

Мне самой сейчас несладко. Точнее, паршиво и погано, причем — не первый день. И даже не первый месяц. Так мерзко, что я даже решила на крайние меры. Отринуть на несколько дней все дела, и важные, и очень важные, и предаться крупномасштабному разгулу.

И потому просто не смогла отказать коллеге по несчастью. Ну знаю, что никакой логики, но я же женщина? И к тому же далеко не простая.

— Можно стакан воды? — Лысачок уже устроился на диванчике в холле, где я обычно принимаю клиентов, и, прижимая к пузику ноутбук, заинтересованно озирает эксклюзивный дизайн, обошедшийся мне в кругленькую сумму.

Зато клиенты впечатляются прямо с порога.

Да что там клиенты. Я сама, когда впервые увидела, пять минут ничего сказать не могла. Приличного.

Даже хотела вначале заставить дизайнера лично утащить отсюда всех этих заспиртованных змей и жаб, расставленных по полочкам, ко всем... их предкам, но тут пришла посоветоваться одна из тех, кто гордо называет себя экстрасенсами, ахнула, завистливо вытаращила глазки... и вопрос снялся сам собой.

К тому же позже я выяснила, что трехголовые змеи и гигантские пиявки, плавающие в стилизованных под старину сосудах, — просто муляжи. Как и мохнатый паук размером с котенка, висящий в углу на капроновой паутине и мерно покачивающийся от скрытого в стене вентилятора. В другом углу у меня сидит на жердочке чучело филина и посверкивает светодиодными глазищами.

— Вот, — поставив перед клиентом стакан, уселась я в свое кресло перед сложенным из необработанных камней очагом с висящим в нем закопченным котелком. — Рассказывайте, у меня очень мало времени.

— А мне нечего рассказывать...

— Тогда вам не ко мне, а к психиатру, — почти рывкнула я, но смолкла, заметив, как испуганно сжался под моим озверевшим взглядом клиент.

Да что ж ты такой зашуганный? Неудивительно, что спозаранку проблемы мучают.

— Простите... я неправильно выразился, я надеялся, что это вы мне расскажете... куда она от меня ушла.

— Фото.

— Вот. — Клиент торопливо достал из кармана мобильник и сунул мне под нос.

— В следующий раз приносите на бумаге, — мельком глянув на изображение стройной девицы в крошечном купальнике, строго приказала я. — А теперь давайте предмет... ну, вы принесли какую-нибудь вещь, которая принадлежала лично ей?

— Так ничего же не осталось, она все забрала. И половину моих вещей тоже... все самое ценное.

— Не может такого быть, чтобы не осталось ничего, — сообщаю, красноречиво оглянувшись на огромные напольные часы с кукушкой. — Можно заколку, носок, что-то из белья, любое, что она носила хотя бы несколько часов.

— Вот, — страдальчески попыхтев, лезет мужчина в карман и, смущаясь, подает непрозрачный пакет.

Хм. С ними все ясно. Но не мое это дело, мне сейчас найти изменницу нужно, и обойтись полумерами не получится.

Значит, придется потратить силу... ну и ладно, ночью все восстановлю с избытком.

Осторожно коснувшись пальцем черной кожи, горестно вздыхаю — даже этот лысый и старый счастливее меня. Еще вчера у него была любимая девушка, и он долгими зимними вечерами не сидел у телевизора в обнимку с котом. Или с мышкой в руке у компа.

Картинка возникла на редкость ясная, вовремя он прибежал, да и принес то, что нужно.

— Как платить будете? — Я, конечно, очень добрый и жалостливый человек, но в шесть утра искать чью-то пропавшую любовницу бесплатно? Извините, это не про меня.

— Чеком?

— Наличными или немедленным перечислением на счет.

Он серьезно кивает, уточняет сумму и номер счета, затем, взглянув на меня уважительно, нажимает в ноуте несколько кнопок.

— Где она?

— Там же, где и ваш друг, — проверив прохождение гонорара, сообщила я. — Черноволосый такой, я видела вас вместе за столом, вы пили что-то из высоких бокалов, ваша девушка была в белом платье без бретелек... вспомнили? Они сейчас сидят рядом... по-моему, в самолете, из-за скорости картинка очень блеклая и сразу погасла.

— Серега!.. — ошеломленно охнул лысый. — Ну, гад! А как мне ее вернуть?

— Приходите через неделю, займусь. Сегодня мне некогда, я сейчас ухожу.

— А вечером вы свободны?

Это что, это он меня клеит, что ли?

Вот этот толстоватый и лысоватый?

О ужас, до чего я докатилась. Ко мне скоро старички с коробочками домино подсаживаться начнут.

— Я улетаю, — гордо демонстрирую ему авиабилет, — по очень важному делу. Как вернусь — созвонимся. Вот моя карточка, потерять ее невозможно.

Он покосился на меня еще более уважительно и взял визитку. Вот зуб дала бы — обязательно попробует потерять или забыть где-нибудь. Только не стоит по всяким пустякам зубами разбрасываться.

Заперев за ранним клиентом калитку, торопливо направляюсь в дом, времени мало, а сделать нужно так много. Но сначала — телефон.

— Алло? Мне очень жаль, но я вынуждена вас огорчить. Меня нет дома. Но я вернусь... — на миг задумываюсь, непросто определиться в таком тонком вопросе, — во вторник вечером и с удовольствием решу все ваши проблемы. Свое сообщение вы можете оставить после звукового сигнала...

Чпок. Телефон переключен на автоответчик.

Чпок. Мобильник выключен и брошен в сумку, симку смену позже.

Чпок. Решительно отключаю домофон, а заодно и Интернет.

Уф. Кажется, все. Я облегченно выдохнула и слегка позавидовала своим бабкам, у которых всех этих заморочек не было. Как спокойно им жилось-то.

Все, кому нужны были услуги ведьмы, просто стучали в калитку. Ох, пьяные ж ежики! Они ведь и в мою обязательно стучать начнут.

Все-таки я — потомственная ведьма, вернее, Баба-яга.

Ну, разумеется, так я себя никогда не называю при клиентах. Таковы уж современные стереотипы, ведьм никто не боится, экстрасенсов вообще боготворят, а от словосочетания «Баба-яга» почему-то начинают зеленеть и трястись.

Хотя если бы задумались, то давно бы для себя определили, что на деле все это — просто разные названия одного и того же явления.

Впрочем, о чем это я? Если бы большинство людей сначала думали, а потом действовали, на земле давно был бы рай. А у меня бы не было ни одного клиента. И, соответственно, ничего из столь милых моему сердцу безделушек. Вроде трехэтажного особнячка и дачки на берегу южного моря.

Но такого, к счастью, пока не происходит, вот и бегут ко мне с утра пораньше все, кому очень уж приспичило срочно отдать кровные денежки, для того чтобы услышать давно известные вещи.

Однако сегодня клиенты мне абсолютно без надобности, потому-то я так решительно и отключила все возможные пути к своему доброму сердцу. А от тех, кто не поверит автоответчику и все-таки дерзнет проверить на прочность мою калитку, поспешила отделаться самым простым и действенным методом — вывесила на ней объявление: «Меня нет дома».

Напечатанное на принтере большими красными буквами. Не знаю уж, почему, но напечатанным объявлениям народ верит в разы больше, чем рукописным.

Покончив с делами, я занялась сборами. Вечером меня ждет важное и строго секретное мероприятие. Слет, или, попросту говоря, шабаш ведьм. Ну разумеется, на Лысой горе, какие могут быть сомнения?

Вот только не стоит вспоминать старые сказки и повторять распространенное заблуждение, что на Земле такая гора всего одна. Ничуть не бывало, почти в каждой стране имеется такое место, а у нас, в России, так даже целых три.

И вот в ближайшем из них я и собираюсь нынешней ночью оторваться по полной.

Для начала, добравшись до вершины заветной горы на фамильной метле, подаренной мне еще прабабушкой, обязательно выпью за встречу с коллегами традиционный ковш настоящей на семи травах хмельной медовухи. Чтобы отпустили заботы и тревоги, расслабились натянутые нервы и

страстно захотелось всю ночь напролет нестись в сумасшедшей ведьминской пляске. Да не по молодой травке и камням, а там, в вышине, среди хрустально подмигивающих звезд, под понимающую лукавую усмешку полной луны.

А под утро, едва восток забрезжит нежно-розовым заревом рассвета, так восхитительно будет пробежаться нагишом по росыным кустам и травам и нырнуть в ледяной омут. Чтобы напоследок, свежей и помолодевшей, вылететь вместе с толпой таких же бесшабашных ведьм, между собой зовущих себя Бабками-ёжками, навстречу встающему солнцу, повернувшему к лету.

После таких встрясок жизнь кажется не такой уж серой и беспросветной, а на душе начинает потихоньку таять смерзшаяся куча обид на последнего возлюбленного. И на всех предыдущих. Хотя, если честно и по секрету, не так много их было, как думают мои знакомые. Просто иногда, чтобы не начинали особо жалеть и не развивали бурных поисков кандидата для знакомства, я рассказываю одной из подруг байку про очередного сумасшедше красивого, высокого и стройного брюнета, вдрызг разбившего мне сердце.

Однако вскоре выяснилось, что мои планы пошли наперекосяк. Из-за различных досадных мелочей и недоразумений сборы в дорогу и устройство домашних питомцев затянулись, и в результате я опоздала на свой рейс.

Мне бы насторожиться, задуматься: а не судьба ли намек подбрасывает, мол, не стоит тебе туда лететь? А если уж так хочется — выбери другой путь.

Но я судьбе не поверила, подсказку не поняла, от интуиции отмахнулась, вот и попалась, как лохушка на Казанском вокзале на бесплатное гадание.

Нет, сначала все вроде исправилось. И билет я по знакомству на следующий рейс обменяла, и долетела без проблем.

На такси до деревушки с редким русским названием Ивановка тоже вполне нормально доехала.

Даже до обрыва над безымянной речушкой через деревенскую грязюку пробралась без происшествий.

А на обрыве было так чудесно! День клонился к вечеру, ласковое солнышко подсушило пригорки, и на них, как его крошечные изображения, распустились желтенькие цветочки мать-и-мачехи. Внизу прозрачно поблескивала речка.

Вот тут я искренне уверовала, что удача на моей стороне, и самое последнее предупреждение судьбы в виде перешедшей мне дорогу старушки с полупустыми ведрами сочла банальным совпадением.

Не суетясь, достала из сумки метлу, увеличила ее до нормального размера, пригладила ладонью чуть смятые прутьики.

Ну, милая, не подведи. По-байкерски повязав голову косынкой, забросила сумку на плечо и села на сиденье.

— Вперед, родимая. Земля, прощай!

Обрыв и речка рванули вниз, а небо — навстречу, наполняя душу свежим ветром и восторгом.

Эх, и хорошо-то как!

Так уж вышло, что летать мечтают все, а доступно это только нам, Бабкам-ёжкам.

В какой момент небо вдруг разинуло огромную черную пасть и схлопнуло ее за моей спиной, я не запомнила.

Помню только, что было странное и жуткое ощущение падения... все вертелось в голове и вокруг меня, а вот сколько это длилось, не имею никакого понятия.

ГЛАВА ВТОРАЯ

День первый, ну очень-очень безалаберный, продолжается в совершенно неожиданном месте еще более неудачно и необычно, чем начался

Некоторое время после того, как ужасный полет закончился, я не могла пошевелинуть ни рукой, ни ногой. Тело казалось чужим и непослушным, а в голове, как на пьяной карусели, бешено вертелись невнятные обрывки мыслей и чувств.

Такое впечатление, будто свою медовуху я уже выпила, и далеко не один ковш.

Очень не скоро и с великим трудом мне удалось осмотреться, и выяснилось очень загадочное и еще более неприятное обстоятельство. Судя по всему, попала я в совершенно незнакомый дремучий лес. Больше всего похожий на дикую тайгу; насколько мне помнится, только там и остались такие непроходимые заросли и огромные деревья.

Осторожно пошевелив раскинутыми конечностями, вяло порадовалась своей удаче — отголоски боли хоть и остались, но все сгибалось и разгибалось. Даже позвоночник.

Хуже всего обстояло с головой. Нет, было бы неверно сказать, что, рухнув с высоты птичьего полета непонятно куда, я сразу резко поглупела. Ничуть не бывало. Рассуждать я могла, и довольно связно, и где-то в глубине подсознания замирала от тревоги и ужаса.

И одновременно чувствовала себя слегка пьяной, по-детски бесшабашной и легкомысленной, какой не была уже лет двадцать.

И это мне очень не нравилось, просто до отвращения.

Постаравшись собрать в кулак всю силу воли, я приказала себе забыть о непонятном недомогании и озаботиться главным вопросом — как отсюда выбраться?

Но для этого прежде следовало подняться на ноги и осмотреть местность, возможно, где-то рядом обнаружится дорога или какой-нибудь признак человеческой деятельности. Сосредоточившись на этой задаче, я оперлась о землю и попыталась сесть.

Получилось не очень хорошо, что-то мешало, кроме необычной веселости разбегающихся мыслей. Как-то не так все было, неправильно и неудобно.

Но я женщина упорная и целеустремленная, и просто так сдаваться вовсе не в моих правилах. Поэтому настойчивых попыток не прекратила, четко понимая только одно: пока светло, нужно постараться выбраться из этого необычного

леса. Даже можно сказать странного, исподволь я уже успела кое-что рассмотреть.

Потому и не сдавалась. Каждый олух знает: чем диковиннее и непривычнее лес, тем страшнее могут оказаться его обитатели. А я сейчас вовсе не в той форме, чтобы с невиданным зверьем сражаться.

Еще и сумка, как назло, куда-то запропастилась, а в ней у меня и метла, и заговоренные снадобья.

— Какая хорошенькая! — неожиданно сказал кто-то прямо надо мной до невозможности восхищенным голоском.

И вот за этот восторг я сразу простила незнакомцу всю его наглость.

Впрочем, он тоже был ничего. Стройный как тростинка, юный, изящный и зеленоглазый. Даже копна волос медового цвета почему-то слегка отливала зеленью. Или это тут отсвет от деревьев такой?

— Ты кто? — вежливо спросила я, полулежа возле пенька.

Огромного такого, как от баобаба.

— Гном.

— Не рассказывай мне сказки, — преодолевая головокружение, небрежно фыркнула в ответ. — На самом деле гномов не бывает. А те, которые в сказках, все как один маленькие, коренастенькие, борода до полу, в накачанных ручках огромная кувалда... или как это еще называется... да не важно, а на голове колпачок... вот. А у тебя — сам посмотри. Рост... ну, почти средний... плечики хрупкие... бороды нет, волосы светлые, опять же, кувалды не видно... да и колпачка тоже... Нет, ты не гном. Ты, скорее, на эльфа похож.

Собеседник возмущенно фыркнул, отвернулся и побежал прочь.

Я так и обмерла, ну вот что я наделала? Уйдет ведь, а я даже не успела спросить, в какой стороне его деревня и как до нее добраться.

— Эй! Э-эй! А ты куда это? Стой! — взвыла отчаянно, и он немного притормозил. — Ты чего, обиделся? Ну прости, по-

жалуйста. Пусть будет гном, раз ты так хочешь. Только не бросай меня тут, помоги выйти на дорогу.

— Пошли, — скомандовал гном и, снова развернувшись, поскакал к огромным поваленным стволам, окружавшим полянку.

— Подожди, не так быстро! — Я с трудом поспевала за ним.

Состояние опьянения понемногу начинало проходить, но видела я все вокруг как в туманной дымке. Да и тело еще казалось каким-то чужим, неудобным и неуклюжим.

Парнишка ловко взлетел на невероятно толстое бревно и легко попрыгал с одного ствола на другой.

— Куда?! Эй, постой, не беги ты так, я же через эти бревна в жизни не перелезу! Да и метла куда-то подевалась... И как меня угораздило в эдакую глухомань залететь... — причитала я, все яснее понимая, что безнадежно отстаю.

— Прыгай через бревна, а не ползи под ними, — скомандовал эльф, который упорно продолжал считать, что он гном.

Ну или очень хотел так думать. Да и пусть себе, я знаю уйму людей, которые считают себя вовсе не теми, кто они есть на самом деле.

Вот один мой почти жених почему-то упрямо мнил себя потрясающе красивым и не менее щедрым. В упор не замечая в зеркале ни обвисших щек, ни маленьких глазок. И при этом наивно полагал, что я их тоже не вижу. А заодно не замечая, что принесенные им цветочки явно пережили не одну уценку.

Тут я спохватилась и с огорчением признала, что мои мысли снова норовят ускользнуть куда-то не туда. Да что ж это со мной такое?! Меня же вроде позвал с собой этот... гном.

Ну и как прыгать через такие огромные бревна? Я же не кошка! Но руками все же за бревно схватилась и обмерла от потрясения, рассмотрев совершенно неожиданную картину.

Это были не мои руки и пальцы заодно. На моих никогда не имелось густого и белого пуха. И когтей — длинных, крепких и даже на вид опасных.

Похоже, рановато я решила, что моя голова уже почти в порядке. Какой может быть порядок, когда такая ерунда мерщится?

— Эй, метаморф! Не отставай.

— А почему ты меня так обзываешь? — вяло обиделась я.

— А как мне тебя называть?

Да, действительно, а как? Ну, есть у меня, конечно имя, как у всех нормальных людей, только его всяким встречным-поперечным лучше не открывать. В нем-то ведь вся наша суть, а вдруг у кого желание появится наговор или приговор... Нет, упасите нечистые силы!

Значит, имечко нужно новое придумать, и лучше попроще, иначе с такой дурной головой, как у меня сейчас, сама же первая и забуду. Так-так, ну и как же меня звать-то будут?

О, Вия. И со вкусом, и коротко. И что-то такое сакральное так и слышится. Так что...

— Будем знакомы. Меня зовут Вия.

— Талм, — коротко бросил он, то есть гном, и снова кузничком запрыгал от меня по огромным стволам, даже в поваленном состоянии бывшим много выше моего роста. Ну чисто баобабы.

И это по ним я прыгать должна? Да я же ни за что не допрыгну.

А может, все же попробовать? Не зря же такие когти появились на ручках-то?

Как щас зацеплюсь.

Ну зацепилась. Висю. Нет, вишу... или вешу? Как-то не так, но разве в этом суть?

Дальше-то что делать?

Ну повисела... еще повисела... может, хватит? Что там такими когтищами делать положено? Если они все глубже в дерево вонзаются, чем дольше я висю... или все же вишу? Тут мысли мои снова запутались, и пришлось резко мотнуть головой, чтобы вспомнить, чем это я тут занимаюсь.

Так, значит, о когтях. Как мне прыгать на бревно, если они в дереве по самые пальцы засели?

Прежде мне всегда казалось, что у котов когти на удивление легко туда-сюда вонзаются и вынимаются. Может, и мои точно так могут?

Я попыталась вытащить когти из дерева, но они и не подумали вытаскиваться. И до каких пор мне теперь тут висеть? Чего ждать? Пока когти отсохнут или ноги до земли отрасли?

Боюсь, такое счастье мне не грозит. Ноги-то у меня теперь тоже, оказывается, белые и пушистые.

— Р-р-рав! — раздалось прямо под моей... хм, ну там, где ноги.

Когти мгновенно втянулись и рванули выше, ноги, еще секунду назад равнодушно болтавшиеся где-то внизу, рывком подтянулись и зацепились когтями на уровне ушей, но уши ждать не стали, а прыгнули вслед за руками. Руки выпустили когти и впились в кору на самом верху бревна, но ноги уже снова были рядом.

И ведь пошло. Да еще как пошло! Руки хватаются, подтягивают тело, ноги прыгают вперед и отталкиваются...

Пришла в себя я от громкого звонкого хохота. Опомнилась, уселась на чуть шершавом, прогретом солнцем широком боку огромного ствола и бдительно огляделась.

Так, а где оно? Ну, которое рычало?

И чего это гнома так распирает от дурного смеха?

Да не просто распирает. На спину рухнул, тощими ножками в узких штанишках над собой болтает, ручками за живот держится... и звенит, звенит колокольчиком на весь лес!

Нехорошее подозрение потихоньку родилось в моей бдительной ведьминской душе и начало расти. Сначала медленно, как растет нерасстоявшееся тесто в квашонке. А потом разбухло, зыграло... и рвануло из меня мощным потоком.

Выходит, вот этот самый мелкий паршивец надо мной, старшей Бабой-ягой клана, поиздеваться вздумал? Подкрался и рывкнул, гаденыш, так убедительно, что я от страха чуть собственные уши не оттоптала. Вот и рванула, сама не поняла куда. А он, значит, за этим со стороны наблюдал и веселился?

Я задумчиво поскребла выпущенными когтями теплую кору, прищурилась и припала к бревну, готовясь к прыжку.

Ну, погоди же, пакостник малолетний. Сейчас ты на себе любимом испытываешь всю действенность собственноручно изобретенного метода. Посмотрим, как ты будешь бегать от того, что рычит в ночи.

А уж рыкнуть по делу, а иногда и просто для порядка, я всегда умела.

— Р-р-рау!!!

Мощный толчок задними лапами, и я уже лечу прямо на гнома, валяющегося на мягком ковре из мха.

Мне даже немного жаль его стало где-то на середине полета. Молодой, симпатичный, волосы красивые, чуть зеленоватые, и глаза тоже зеленые... были.

А я его когтями... Ах, поздно!

Никакого гнома на примятом мху уже не лежит.

Я повела неожиданно чутким носом... а, так вот же его след. И размашисто прыгнула в ту сторону.

Но его и тут уже не было.

Так вот ты как!

А я тебя вот так!

Я перелетала со ствола на ствол, изгибаясь на лету в немыслимые позы, в какие и в прошлом-то веке не выгибалась, а его запах летел и летел впереди, дразня и сердя своей недостижимостью.

Ну, погоди ты у меня, шустрый гном! Вот поймаю — жалеть точно не буду.

Испытаешь на своей шкурке остроту моих когтей. Будешь знать, как подшучивать над настоящей Бабкой-ёжкой, как мы иногда шутя величаем сами себя.

— Слышь, Вия! Хватит играть. Меня уже обедать ждут, если сейчас не придем, попадет обоим, — важно объявил откуда-то сверху звонкий голосок.

Опля. Ну вот, милый, ты и попался. Сиди-сиди на той тонкой веточке, а я тут, снизу, покараюлю. Никуда тебе отсюда не сбежать.

Я в предвкушении припала к стволу и вильнула... телом.

Что-то белое метнулось перед глазами, и в душе все так и оборвалось.

А это еще кто?

Выпустив когти, осторожно поворачиваюсь назад...

НЕТ.

Этого не может быть. Просто никогда.

Длинный пушистый белый хвост, в нетерпении мечущийся по бревну возле моего тела, просто не может быть моим собственным.

Нет, я ничего не имею против хвостов, особенно против красивых, если они, разумеется, не растут из моего собственного... хм, тела.

Но Бабам-ягам, и тем более цивилизованным ведьмам, просто не положено подобного безобразия. Это же несокрушимый удар по нашему древнему званию и имиджу. Как я теперь в таком легкомысленном виде с клиентами-то буду общаться?

«Скорее всего, я просто заболела, — внезапно родилась в мозгу спасительная идея. — Лежу в горячке, и мне видится, будто я — белая пушистая кошка размером с рысь». Потому что никем иным я себя представить бы не смогла, ведь в глубине души всегда была твердо уверена, что я именно белая и пушистая.

— Вия, ну ты что, обиделась, что ли? — внезапно прорвался сквозь мои размышления звонкий голосок, и узкая ладошка ласково погладила по спинке, заставляя от незнакомого удовольствия крепче зажмурить глаза. — Ну хватит уже тут лежать с закрытыми глазами. Идем, обедать пора. Ну, Вия, я же вижу, что ты не спишь.

— Мрр... — раздался в моей голове странный звук и вдруг обрел не менее странный смысл. — Как пррриятно ты меня гладишь. Теперррь еще за ушком почеси... вот так, пррравильно...

— Талм! Сколько можно тебя ждать? — Чей-то грозный голос так громко рявкнул над моей головой, что я подскочила.

И глаза открыла.

Ого! Вот этот точно на гнома похож, плечами, по крайней мере. Хотя волосы тоже чуть зеленоватые и ленточкой в хвост завязаны, я прекрасно рассмотрела, когда он, пристально меня изучая, нагнулся ниже.

— Молчи, — молниеносно склонившись к моему уху, шепнул Талм, а я и спорить не стала.

Сама понимаю, не дура какая-нибудь, что в иных ситуациях молчание — это чистейшей пробы золото. Я, когда надо, вообще могу молчать, как одичалый партизан в непроходимом лесу.

Только если бы со мной именно за молчание расплачивались, то не видать бы мне трехэтажной избушки еще лет триста. Ведь нашу сестру язык кормит.

— Где ты это нашел? — хмуро поинтересовался сердитый незнакомец и потянул меня за воротник.

Ну или за то место, где он находится должен.

А вот такого хамского обращения с собой я никогда не терпела. И никому не прощала. Потому развернулась тугой пружиной и щелкнула зубами.

Громко так щелкнула, как автоматический замок в моей двери щелкает. Только наглец, который меня хватать вздумал, уже успел отдернуть свою мускулистую руку.

— Прогони ее, — скомандовал плечистый гном худенькому Талму. — Не видишь, какая дикая?

«Это я? — жарким костром вспыхнуло в душе праведное возмущение. — Наследственная Баба-яга для тебя — дикая? Ах же ты, лесник нечесаный! Ну, теперь я тебе такого оскорбления вовек не прощу!»

— Неправда, — обиженно заныл Талм. — Ничего она не дикая, мы с ней так весело поиграли!

«Поиграли? Вообще-то мне казалось, что я тебя ловлю с намерением наказать», — хотела возразить я. Но вовремя вспомнила, что еще минуту назад собиралась изображать немого партизана.

— Вот, смотри, какая она ласковая, — глядя меня по головке, уговаривал парнишка.

Ну чего же ты смотришь так подозрительно, вражина? Не веришь, что я, такая белая и пушистая, могу быть ласковой?

Сейчас докажу. Иди сюда, гном.

Я подвинулась поближе к Талму, высунула язык и провела по его глазастой мордочке.

Тьфу.

Почему же он горький, как хина?

И отчего так ошарашенно на меня смотрит? Вернее, смотрят, потому как глаза вылупили оба гнома. Ну да, а как они хотели? Язык у меня тоже стал... больше, чем был раньше.

Намного больше. Почти половину личика одним мазком шутнику умыла.

— И как ты ее зовешь? — озадаченно поинтересовался плечистый.

— Вия. Правда красивое имя?

— Ничего. Сам придумал?

— Ага, — спрыгивая вниз, бойко соврал младший и поманил меня за собой.

Иду уже, иду.

«Куда ж я теперь денусь от собственного персонального гнома», — сползая с бревна, буркнула я про себя и подозрительно оглянулась на свой хвост.

Это надо же, сколько живу, никогда до сих пор не знала, какое у меня богатое воображение. Мало того что придумала каких-то неправильных гномов, так еще и вообразила себя кошкой хвостатой.

И лес этот, абсолютно неправильный, что вокруг в небо вершинами уходит, тоже я придумала? И вот эти совершенно неизвестные цветочки, и эти кустики, усыпанные крупными фиолетовыми ягодками...

Стоп.

Стоп, говорю сама себе. Какими такими ягодками?

Сейчас же весна.

РАННЯЯ. Между прочим. Еще даже самых первых ягодок с месяц, а то и дольше, ждать нужно.

Да и не могла я придумать таких смешных ягодок.

Интересно, а на вкус они какие?

Умм... ничего так, сладкие, чуть с кислиночкой, но запах и вкус...

Абсолютно незнакомый вкус.

Тянусь сорвать еще ягоду и натыкаюсь рукой... да какая же это рука — лапа... вот ей на колючку и наткнулась.

— Ай!

Как больно. Хорошо колючка толстая и на веточке крепко сидит, в лапе не осталась. Зато оставила ранку, вот и кровь появилась...

Машинально провожу по алой капельке широким языком... и в голове взрывается недавняя боль.

Ох, голова моя, голова...

— Вия-а-а!

— Да что ж ты так орешь-то, Талм! — болезненно сморщившись, простонала я, протянула руку, чтобы прикрыть глаза от яркого солнца...

И подскочила как на иголках, когда мне в лицо ткнулась мохнатая когтистая лапа.

Так, а вот это уже перебор.

Теперь я уже окончательно пришла в себя и чувствую себя абсолютно здоровой.

И способной рассуждать совершенно благоразумно.

— Вия, тебе лучше? — Перед моим взором возникла встревоженная мордочка гнома, в зеленых глазках застыли светлые слезинки.

Эх, гном, ну не реви же ты так. Мужчины не плачут. Когда их могут увидеть.

А в остальное время... что они, не люди, что ли?

— А что со мной было?

— Ты зачем ягоды заманихи ела? Отравиться решила? — обиженно пробурчал мелкий.

— Откуда мне знать, что это заманиха? У нас в лесу она совсем другая.

— Так! — не выдержал старший гном, упорно сверливший меня сердитым взглядом. — Мало того что ты тащишь на стоянку метаморфа, так еще и обманул меня! Этот метаморф вообще непонятно из каких дебрей пришел, раз даже заманиху не знает.

— Ну и что? — встал передо мной, загораживая своим телом, Талм. — Зато она красивая... такая пушистая и игривая зверушка.

За это оскорбление я его чуть не цапнула. За что? Да за то, что перед самым носом находилось, вот за это и хотела цапнуть.

Хорошо сдержаться успела. А расслышав следующие слова, и вовсе мстить раздумала.

— И раз она сюда попала неизвестно откуда, значит, ей помощь нужна. А то пропадет ни за медник, вон чуть заманихи сдуру не нажралась. Повезло, что я успел у нее изо рта ягоду вытащить.

А вот если бы он знал, что вытащил вовсе не первую, а десятую или двадцатую, тогда точно бы рыдал как девочка. Стало быть, говорить об этом ему не обязательно. Просто возьму на заметку, что не все растения тут безвредны.

— Талм, но ты же знаешь, что метаморфы опасны, — нудно гудел старший гном. — И к стоянке их приучать нельзя. Потом в жизнь не отвадишь.

Ну, наглец, даже не задумывается, что я все слышу и понимаю! И на провалы в памяти больше не жалуюсь. Да и на отсутствие мстительности — тоже. И никогда не пошла бы после этих слов на вашу стоянку, да что-то в рассуждении меньшого показалось очень правильным.

Теперь, после... хм... отравления, мыслить я стала так же четко, как и раньше. И сразу поняла, что нахожусь вовсе не на родной земле.

Потому что у нас там гномов нет. А если бы и были, то на вот этих зеленоволосых они были бы похожи в самую последнюю очередь.

Хотя все остальное вполне могло ввести в заблуждение. Солнце — точно такое же, может, немного жарче, но это еще выяснить нужно, на какой мы широте. Трава зеленая, но незнакомая. Ни одной родной травки, а уж я-то их наизусть знаю. Да и деревья эти, размером с баобаб, но по виду сосны, а по листьям — нечто среднее между кленом и дубом... Ох.

Стало быть, вовсе не случайно я вдруг превратилась здесь в огромную кошку. Вероятно, так сработало чувство самосохранения, нашедшее для меня самый оптимальный в данном случае облик. Следовательно, именно оно и разум затуманило, сделав на время беспечным и ветреным, — разумеется, тоже неспроста. Пусть такое превращение мне чрезвычайно не нравится, но, видимо, придется временно согласиться с мудрым подсознанием, явно не желающим никаких неприятностей для моего тела и рассудка. И попытаться просто выжить в этом странном месте... а может, и в целом мире.

— Ладно, — тяжело вздохнул старший гном. — Бери. Но если хоть одно замечание — уведешь подальше и сам запутаешь. Дай клятву.

— Даю, — буркнул Талм и, отвернувшись ко мне, тихонько всхлипнул, вытирая кулаком слезы.

— Эй, гном! — укоризненно уставилась я в зеленые глазки. — Я ведь тебе уже говорила, что мужчины не плачут?

До стоянки мы шли с полчаса, и все это время мое сознание то прояснялось, и тогда я начинала понимать всю трагичность происходящего, то снова впадало в беспечное легкомыслие, но я больше не старалась с ним бороться. Просто изучала все вокруг и пыталась найти в своем положении хоть какие-то позитивные моменты. И все было бы относительно прекрасно, если бы не старший лесник.

Я, конечно, Бабка-ёжка очень терпеливая — до поры до времени. Или когда очень нужно. Потому-то кое-как и стер-

пела, что этот неправильный гном всю остальную дорогу до их драгоценной стоянки вел меня за шиворот.

Правда, не очень крепко хватался, так, чуть-чуть придерживал. После того как я ему показала, какой длины у меня теперь клыки.

Глаза у него от демонстрации моих зубов вмиг стали такие круглые, даже меня саму заинтересовало, что же такого особенного он там увидал. И я бы не удержалась, заглянула в ручеек или озерцо, но, к сожалению, вокруг даже лягушачьей лужи не обнаружилось. А просить зеркало у гномов я не стала. У меньшого его и быть не могло. Откуда взяться зеркалу, если у Талма и карманов нет?

А вот у его плечистого родича... кстати, пора бы уже выяснить, как его зовут. Нет, не в гости зовут, а по имени. Так, о чем это я... А, про зеркало. Вернее, про карманы. Карманы у него были. Потому что одет он в длинную жилетку, перетянутую широким кожаным поясом, и на ней не только карманы. Но и карманчики, и всякие сумочки на поясе вроде дамских театральных, и что-то вроде ножен — правда, оттуда ручка не от меча торчала.

Скорее всего, то, что торчало из ножен, было топориком или молотком. Однако зачем это гному, я пока не догадалась, но очень надеюсь, не для войны какой-нибудь.

Потому как войну в любом ее проявлении я просто терпеть не могу.

— Вот и наша стоянка, — быстро нагнувшись к моему уху, шепнул Талм, и я невольно отвлеклась от своих мыслей, чтобы изучить стояночку.

Обалдеть.

Дай боги всем такие стояночки. Мне-то, наивной Бабке-ёжке, при этом слове что виделось?

Шатры цыганские, шалаши корейские, в каких они живут, пока лук выращивают... ну, на крайний случай, палаточный лагерь на турслете. Или дикое поселение отдыхающих у южного моря.

А вот тут стояли самые настоящие домики. Скромные такие, этажа по три-четыре, не больше. Но не квадратные, как у нас, а круглые. Вроде башен. Или грибов огромных. Со всех сторон окошками и балкончиками утыканные. Ничего себе архитектурка, мне нравится.

Только стояли домики вовсе не на земле и не на фундаментах, а на тех огромных пеньках, что после дубобаобабов остаются. И самый ближний к тропке, по которой мы пришли, оказался домом Талма. Ну и, само собой, того гнома без имени, который меня за провинности выгонять собрался.

Знать бы мне еще, что тут у них провинностью считается. Надеюсь, не любопытство, потому как мне очень захотелось выяснить, как дом не меньше шести или восьми метров в диаметре на пеньке, что раза в два или три уже его, держаться умудряется.

Ну, это я думаю, что метров восемь, точнее определить пока не могу, так как ни одного привычного глазу предмета для сравнения поблизости не имею.

А что сама? Сама я тоже неизвестно какого роста. То ли шестьдесят, то ли семьдесят сантиметров от земли, когда на всех четырех лапах стою. А на двух... неудобно оказалось. Спине больно, и равновесие удержать трудно. Это только в цирке собачки с улыбочкой на задних лапках стоят.

А я собственноручно испробовала, и мне не понравилось. Ну, пусть собственноножно. Или собственнолапно. Все равно не понравилось.

— Вия. Вылезай отсюда.

Все-таки злые эти гномы — не дали рассмотреть толком, как это все устроено. Ладно, полагаю, выгонять еще не сейчас будут, успею попозже рассмотреть. Оказывается, этот домик чем-то похож по устройству на карусель. И, судя по следам, то есть по тропинкам, которые не от крылечка, а прямо от стен идут, может поворачиваться, как моя старая избушка поворачивалась.

Старая, что еще от бабки досталась. Разумеется, она никуда не делась, так на даче под Пензой и живет. Ноги, конечно,

от любопытных туристов за современным фундаментом прячет — для конспирации.

Да не тяни же ты меня за шиворот, гном бестолковый! Ведь всем известно: если хочешь, чтобы в доме можно было жить, то самому во все вникнуть нужно. И как доски класть, и как шурупы вкручивать, и какой кабель надежнее... Нет. Не кобель. Кобелей надежных не бывает, они все ветреники, им всегда черт в чужих баб меду кладет, но ты, Талм, этого не слышал.

Тебе про это рано знать, судя по тому, как на тебя твой старшой покрикивает.

— Кстати, а как его имя? — шепнула я младшему гному, когда он отправился в ванную руки мыть.

Хотя вполне возможно, что они эту комнатку называют совсем по-другому. Но ведь это же не значит, что и я вдруг начну ломать язык? Для меня это была, есть и будет — ванная. Только так, и никак иначе.

— Его зовут Атаний, — бдительно озираясь, торопливо сообщил Талм. — Он мой старший брат. Меня в этом году мама в первый раз на заготовки отпустила, если провинюсь, он может меня обратно отправить.

Вот, значит, как. Оказывается, мы с Талмом друзья по несчастью. Над нами обоими висит угроза расправы за неповиновение, и средоточие этой угрозы — гном с топориком по имени Атаний.

Ладно, не переживай, Талм, прорвемся. Или я не Бабка-ёжка. Надеюсь, мои способности никуда не исчезли вместе с метлой, сумочкой и праздничным платьем.

— О чем это вы тут шепчетесь? — появляясь в дверях, ехидно спросил гном Атаний и подозрительно уставился на брата.

— Я Вию умываться учу, — кротким голоском соврал Талм и мазнул мне по лицу... ну, то есть по мохнатой морде, мокрой ладошкой.

Пф. Какая гадость. Кто тебе сказал, гном, что кошки любят умываться?

А братец твой, между прочим, совершенно не умеет воспитывать подростков. Если он и дальше будет так рычать на парнишку по поводу и без, то пусть не обижается, если получит через пару лет законченного вруна.

Я еще раз оскорбленно фыркнула и важно пошла прочь из ванной. Туда, откуда вкусно пахло обедом. И сразу вспомнила, что с утра, кроме чашки кофе и бокала с самолично настоянным квасом, ничего во рту не держала.

И если вот эта комнатка не кухня, то я не Бабка-ёжка. И не важно, что она расположена вовсе не там, где обычно располагаются кухни в нашем мире, зато ароматы тут просто замечательные. Почти как у моей бабушки на кухне, а она готовила так, что пальчики оближешь.

Больше не сомневаясь, я запрыгнула на широкую лавку, приделанную к стене в переднем углу, и приготовилась терпеливо ждать, пока мне выдадут мою порцию. Стараясь не обращать внимания на озадаченную мордочку Талма, делавшего вилкой какие-то странные знаки.

Наверное, беспокоится, как я в своих лапах вилку удержу. Да уж постараюсь. Не языком же мне это мясо с тарелок слизывать.

Тут в комнату вошел Атаний, хмуро нас оглядел, положил на свою тарелку внушительный кусок тушеного мяса и поставил ее на пол.

Чудак. Видимо, не желает сидеть с нами за одним столом. Ну, как хочет, просто мне кажется, что ему там будет не очень удобно. Хотя некоторые народы привыкли только так кушать, и если здесь тоже такие порядки, то зачем тогда нужно было ставить в комнате стол?

А Атаний подобрался поближе, ухватил мою тарелку и потянул к себе. Забыл, что ли, что его собственная уже стоит на полу?

— Р-р-рав! — возмутилась я, разглядев, как от меня уплывает несколько кусков румяного мяса, и Атаний резво отпрыгнул.

И не просто испугался, а еще и вляпался в стоящее на полу блюдо.

— Талм! Я тебя предупреждал? — разнесся по кухне грозный рык.

— Да что ты все время на ребенка орешь, как жандарм? — не выдержав несправедливых упреков, от которых у меньшого снова слезинки на ресничках повисли, возмущенно рявкнула я по-человечьи.

Или по-гномы? Или по-гномовски? Ну, это не важно. Важно, что рявкнула.

— Сам во всем виноват, а парнишку замордовал. Ты свою тарелку на пол поставил, ну и ел бы себе там спокойно, чего к нам-то полез?

— Э... э... — Старший гном вылупил зеленые глаза и начал заикаться, так что даже немножко жалко смотреть стало. — Это я тебе, метаморф, на пол еду поставил!

Ах ты... козел зеленоволосый! Чучело огородное! А я-то, дурочка, его еще жалеть вздумала!

Это он, значит, меня, потомственную Бабку-ёжку, с полу, как приبلудную собачонку, кормить вздумал?! И решил, будто я такое оскорбление с рук ему спущу?! Да ни за какие коврижки!

Однако отомстить я не успела. В дверь кто-то постучал и сладким таким голосочком позвал:

— Атаний!

Ля-ля-ля. И кто же это там у нас?

Я ведьма понятливая, немедля в сторонку метнулась, на широком подоконнике за занавеской в клубок свернулась и в щелочку выглядываю.

Талм за мной к оконцу бросился, рядом сел, прикрыл своим худеньким тельцем.

Атаний тоже ужом крутнулся. Мясо с пола мигом собрал, в тарелку сложил и на стол поставил. А следы преступления, в смысле наступления на мясо... нет, не войну он ему объявлял...

В общем, все это он быстренько сапогом по полу размазал и не менее сладенько отвечает:

— Я тут!

Ох. До чего же люблю я фильмы про любовь смотреть. Да и в театре, если актеры хорошо играют...

Сама-то? А что сама? Не старуха древняя, поди, всего двадцать семь с хвостиком. Правда, невезучая в этом смысле, как проклял кто. Хотя я и лично проверяла, и подруг просила — бесполезно. Прибиваются к моему порогу то альфонсы, то артисты... не в том смысле, что в кино снимаются, а по жизни только играть и умеют.

Тьфу, снова отвлеклась.

А гномка... нет, лучше гномиха... или просто гнома? Нет, некрасиво как-то, но не важно.

В общем, девица оказалась разбитной. И хозяйственная, в смысле по всем действиям видно, что на хозяина глаз положила. Ну, не знаю, я свидетелем не была, клала ли она на него еще что-нибудь, кроме глаз, а наговаривать попусту на девку не хочу.

Потому как она к нам с добром, то есть с пирожками, как Красная Шапочка, пришла, и негоже ее без подарка назад отправлять.

Да она пока и сама уходить не собиралась. К столу присела, глазками стреляет... Эх. Ну точно как одна из стажерок с особыми способностями — собиралась я ей сегодня объявить, что вполне созрела она... да нет, не для сбора урожая, а для посвящения в полноправные Бабки-ёжки.

И пузырек у нее из рукава так же ловко появился. Хотя силы ведьминой я в ней в упор не чую, так, может, в этих местах и сила другая?

А самое главное — интересно, что она с этим флакончиком делать собирается? На меньшого гнома мельком зыркнула, а он как раз занят был, моим хвостом с оконного переплета пыль сметал... Гномка не оплошала, поспешно своего зелья в чашку Атания капнула и снова сидит как ни в чем не бывало, глазками хлопает.

А вот этого, миленькая моя, я страсть как не переношу. И никакими пирогами тебе своих действий не оплатить. И несмотря на то, что этот несносный Атаний меня глубоко оскорбил, такие запрещенные методы даже на нем применять не позволю.

Подтянув лапой к себе поближе гномчика, я кратко объяснила ему на ухо всю ситуацию. Он даже покраснел от возмущения, так проникся.

А тут как раз и Атаний с чайником вошел. Ну это надо же, насколько одинаково в различных мирах идет прогресс! Чайник медный точь-в-точь такой, как я на выставке старины видела. Там еще, помнится, рассказывали, будто он теперь такой дорогой, за старость свою, чуть не на вес золота. Так, может, когда назад соберусь, прихватить парочку? Вот только как я теперь назад, даже подумать пока боюсь...

— Стой, Атаний! Она тебе что-то в чашку капнула! — бросился к брату Талм, тот, оказывается, уже какой-то душистый отвар по чашкам разлил.

— Ну чего ты врешь? — так и подскочила гномка. — Тебе просто показалось!

А глазки-то как бегают! И тут она чашечку незаметно со стола пальчиком смахнула. К счастью, чашка не разбилась, зато чай на полу с мясным соусом смешался, тут никакая экспертиза ничего не определит.

— Талм, — строго уставился на брата старший гном, — ты точно сам видел, что она в чашку зелье капала?

Засмутился младший, засомневался. Ногой по полу возит, сопит тихонько.

— Талм? — старший уставился на него очень укоризненно и рыкнул погромче.

Ох как страшно. Рычать я и сама умею.

Слезла потихоньку и под столом сзади к красавице подобралась. Принюхалась... хорошая вещь этот кошачий нюх — сразу кармашек определился.

— Я, — говорю, — видела. Вот из того пузырька, что в этом кармане спрятан.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава первая.</i> День первый, очень безалаберный, принесший мне только неприятности	6
<i>Глава вторая.</i> День первый, ну очень-очень безалаберный, продолжается в совершенно неожиданном месте еще более неудачно и необычно, чем начался	12
<i>Глава третья.</i> День первый, ну очень безалаберный, продолжается. Количество и качество неприятностей резко возрастает.	39
<i>Глава четвертая.</i> День второй, ну очень познавательный	49
<i>Глава пятая.</i> День третий, полный тревог и злодеев	72
<i>Глава шестая.</i> День четвертый, почти хозяйственный	95
<i>Глава седьмая.</i> День пятый, с утра очень неудачный и тяжелый	128
<i>Глава восьмая.</i> День пятый, постепенно ставший непредсказуемым и воинственным	144
<i>Глава девятая.</i> День пятый, к ночи ставший очень загадочным и необыкновенным	162
<i>Глава десятая.</i> День шестой, почти мирный, но очень беспокойный	175
<i>Глава одиннадцатая.</i> День седьмой, рационализаторский	199
<i>Глава двенадцатая.</i> День восьмой, полный неожиданностей	203
<i>Глава тринадцатая.</i> Дни девятый и десятый, проблемные	207
<i>Глава четырнадцатая.</i> День одиннадцатый, ярмарочный	216
<i>Глава пятнадцатая.</i> День двенадцатый, с утра ужасный	222
<i>Глава шестнадцатая.</i> День тринадцатый, очень несчастливый	227
<i>Глава семнадцатая.</i> Дни четырнадцатый и пятнадцатый, конфетно-букетные	247
<i>Глава восемнадцатая.</i> День шестнадцатый, свадебный	252
<i>Глава девятнадцатая.</i> Дни с семнадцатого по двадцатый, немного тревожные, но очень счастливые	268
<i>Глава двадцатая.</i> День двадцатый, полный встреч и сюрпризов, плавно перешедший в двадцать первый	275
<i>Глава двадцать первая.</i> День двадцать первый, с утра созидательный	278